

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. Б. Каменский¹

НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 930.2

УРОКИ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

В статье сделана попытка определения наиболее значимых уроков, которые можно извлечь из опыта преобразований Петра Великого — одного из ключевых событий российской истории, надолго определивших вектор развития страны. Рассматривается как позитивный, так и негативный опыт петровских преобразований, делается вывод о том, что успешность реформ Петра I была связана прежде всего с тем, что их ориентированность на европейскую модель развития соответствовала внутренним тенденциям развития русского общества рубежа XVII—XVIII вв. и именно это сделало петровские преобразования необратимыми. Преемники Петра, столкнувшись с серьезными финансово-экономическими проблемами, вынужденно вносили в его преобразования определенные коррективы, но сохранили все основные созданные им институты. Благодаря петровским преобразованиям Россия обрела статус великой державы, что было обусловлено интеграцией страны в систему международных отношений, мировую экономику и культуру, без чего сам статус великой державы терял смысл. Благодаря реформам в экономической сфере было в основном преодолено технологическое отставание от ведущих стран Европы, но приоритетное развитие отраслей промышленности, ориентированных на удовлетворение военных нужд и основанных на труде крепостных, препятствовали развитию капиталистических отношений и способствовали превращению России в сырьевую державу. Темпы экономического развития при этом оставались низкими, что стало залогом нового отставания на следующем историческом этапе. Реформы в социальной сфере, основанные на удовлетворении фискальных потребностей государства, тормозили, но не могли остановить развитие российского общества.

Ключевые слова: реформы, исторический опыт, Великая держава, крепостничество, социальная политика.

Цитировать статью: Каменский, А. Б. (2023). Уроки петровских реформ глазами историка. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(2), 159–167. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-10>.

---

¹ Каменский Александр Борисович — д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: akamenskii@hse.ru, ORCID: 0000-0003-3715-4401.

A. B. Kamenskii
HSE University (Moscow, Russia)
JEL: D91, L80, M31

THE LESSONS OF THE PETRINE REFORMS AS SEEN BY A HISTORIAN

The article attempts to identify the most significant lessons that can be learned from the experience of Peter the Great transformations— one of the key developments in Russian history that determined the vector of the country's development for a long time. The author considers both positive and negative implications of Peter the Great's reforms, and concludes that the success of Peter I reforms was primarily due to the fact that their focus on the European model of development correlated with internal trends in Russian development at the turn of the 17th–18th centuries, and this is exactly what made Peter I transformations irreversible. Peter's successors, faced with serious financial and economic problems, were forced to make certain adjustments to his transformations, but retained all the main institutions he created. Thanks to Peter's transformations, Russia acquired the status of a great power, which was due to the country's integration into the system of international relations, the world economy and culture, without which the very status of a great power lost its meaning. Thanks to the reforms in economic sphere, the technological gap with the leading European countries was largely overcome, but the priority development of industries focused on military needs and based on the labor of serfs hindered the development of capitalist relations and contributed to the transformation of Russia into a raw material power. At the same time, the pace of economic development remained low, which resulted in a new lag in the next historical stage. Reforms in the social sphere, based on meeting fiscal needs of the state, hampered but could not stop the development of Russian society.

Keywords: reforms, historical experience, Great power, serfdom, social policies.

To cite this document: Kamenskii, A. B. (2023). The lessons of the Petrine reforms as seen by a historian. *Lomonosov Economics Journal*, 58(2), 159–167. <https://doi.org/MSU0130-0105-6-58-2-10>.

Сама постановка вопроса — уроки петровских реформ для современной России — на первый взгляд, может показаться парадоксальной и несерьезной, ведь речь идет о реформах, осуществленных 300 лет назад в совсем иной стране и иных исторических условиях. Более того, петровские реформы пришлось на начало культурно-исторической эпохи, завершившейся на рубеже XX–XXI вв. Чему же они могут нас научить? С другой стороны, мы не устаем повторять слова В. О. Ключевского о том, что история жестоко наказывает за невыученные уроки. От частого повторения этих слов, как и всякого расхожего афоризма, их смысл зачастую теряется. Между тем, речь идет об усвоении *опыта* прошлого, ибо история есть не что иное, как сумма накопленного человечеством опыта. В чем

же ценность опыта петровских реформ и может ли он быть полезен в современной России?

История петровских преобразований, их идейная основа, содержание, методы их осуществления, заплаченная за них цена, противоречивость их результатов и последствий — все это тщательно изучено и многократно описано несколькими поколениями российских и зарубежных историков в сотнях статей и монографий. Однако интерес к эпохе Петра Великого, поток новых публикаций, как и дискуссии вокруг петровских реформ, не иссякают, что совершенно естественно, поскольку речь идет об одном из ключевых событий российской истории. Ключевых, потому что петровские реформы задали вектор развития страны на последующие столетия. Используя популярное современное понятие, можно сказать, что в первой четверти XVIII в. Россией был осуществлен второй после крещения Руси «цивилизационный выбор». Значение этого выбора, его обоснованность, необходимость, естественность — предмет историсофских споров, начавшихся в первой половине XIX в., когда формировалась основная повестка русской общественной мысли, и продолжающихся поныне. По удачному выражению А. М. Панченко, Петр I — это «оселок русской мысли, ее вечная проблема», а спор о нем — «это спор без конца», поскольку «оценка Петра... иррациональна» (Панченко, 1991, с. 12), потому что, в сущности, это спор не о Петре, а о системе ценностей. Как отмечал американский историк Марк Раев, написанное о Петре «является почти совершенным зеркалом взглядов русской интеллигенции на прошлое и будущее России, ее отношение к Западу и природу социальных и политических проблем, стоящих перед ее страной» (Raeff, 1972, p. 195).

Однако заимствованная славянофилами и их последователями у немецких романтиков начала XIX в. концепция «особого пути», сквозь призму которой они рассматривали петровские преобразования, как, впрочем, и «цивилизационный выбор» — это абстрактные понятия, оперируя которыми историк выходит за рамки исторической науки. Миссия историка состоит в том, чтобы, анализируя доступные исторические источники, изучить событие прошлого, явившееся результатом выбора и действий исторических акторов, и выявить причинно-следственные связи с его последствиями. Полученные при этом результаты вовсе не означают, что похожее событие в настоящем приведет к аналогичным последствиям. Они лишь указывают на *вероятность* подобных последствий и, собственно, в этом и заключается тот урок, который история рекомендует выучить. Какие же уроки можно извлечь из опыта петровских реформ?

Спустя несколько десятилетий после смерти Петра императрица Екатерина II в своем Наказе Уложенной комиссии написала: «Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такая удобства, каких он и сам не ожидал» (Наказ..., 2018, с. 340). Ека-

терина исходила из убеждения, что «Россия есть европейская держава» и, следовательно, реформы Петра были для нее естественны. Между тем, в историографии долгое время с легкой руки Н. П. Павлова-Сильванского, историка рубежа XIX–XX вв., существовало представление о пятнадцатилетии после смерти Петра как о времени контрреформ. И лишь с воцарением в 1741 г. дочери Петра Елизаветы Россия якобы вернулась на дорогу, проложенную ее отцом. Это представление удачно ложилось на сложившийся еще ранее историографический миф о послепетровском времени как «темном периоде» русской истории, времени «бионовщины» и «засилья иностранцев», сформировавшимся в общественном сознании сперва благодаря официальной пропаганде елизаветинского времени, затем популярному роману И. И. Лажечникова «Ледяной дом», а позже подкрепленный в историографии С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским. Этот миф окончательно опровергнут исследованиями последних десятилетий, в которых показано, что общая направленность властной политики не изменилась и в нее лишь были внесены некоторые вынужденные коррективы, связанные с острым финансово-хозяйственным кризисом, в котором оказалась страна после смерти царя-преобразователя. Созданные Петром система государственного управления, регулярная армия, флот, социальная структура, система налогообложения, система государственного контроля за населением, петровское законодательство, новации в культуре повседневности — все это было сохранено и продолжало действовать (Анисимов, 1994; Каменский, 1999; Петрухинцев, 2014; Реформы в России..., 2016). В недавно защищенной кандидатской диссертации, посвященной «культурной политике» этих лет, довольно убедительно показано, что поскольку, как пишет автор, Петр поднял вопросы культуры до уровня государственной политики, его преемники, не мыслившие столь же масштабно, вероятно, не руководствовавшиеся теми же идеями и с теплотой вспоминаявшие времена, когда статей государственных расходов было значительно меньше, уже не могли эти вопросы игнорировать (Чирскова, 2022).

Таким образом, по сути дела, петровские реформы оказались необратимыми. Члены созданного в 1726 г. Верховного тайного совета, столкнувшись с серьезными экономическими и финансовыми проблемами, искали способы экономии государственных средств. Для этого они упрощали петровскую систему управления и возвращались к некоторым допетровским практикам, но при этом послушно, как велел им Генеральный регламент Петра I, вели протоколы своих заседаний. Почему? Ответ, как представляется, может быть только один: потому что в целом петровские реформы были действительно органичны, т.е. соответствовали тенденциям развития Российского государства и общества рубежа XVII–XVIII вв. Соответственно, действительно органичным был выбор в пользу европейской (при всей условности этого определения) модели развития. Причем этот

выбор был обусловлен не только принадлежностью России к иудеохристианской цивилизации, но и конкретными геополитическими реалиями того времени, когда в условиях ускорившегося экономического развития стран Западной Европы возникали риски, связанные с сохранением национального суверенитета.

Здесь, как представляется, заключен первый важный урок петровских преобразований: реформы могут быть успешны только если их направленность соответствует тенденциям развития общества, если они способствуют их развитию и, следовательно, в целом направлены именно на развитие, а не стагнацию. Причем исторический опыт, как, например, опыт консервации, попытки сдерживания тенденций развития общества в период правления Николая I во второй четверти XIX в., показывает, что полностью остановить, пресечь их, повернуть вспять невозможно. Можно затормозить их развитие, но в результате на следующем этапе власти приходится решать гораздо более сложные и масштабные задачи.

Петр вряд ли осознавал тенденции, характерные для развития русского общества его времени, он скорее их ощущал, действуя инстинктивно, побуждаемый идейной атмосферой своей эпохи. Политика XXI в. естественно обладает большим арсеналом средств, позволяющих определить и оценить тенденции развития современного ему общества и действовать на опережение, предупреждая ситуацию, когда «верхи не могут», а «низы не хотят». Это не гарантирует ни успеха реформ, ни поддержки общества, консервативная часть которого всегда составляет большинство. Поэтому не следует буквально понимать слова С. М. Соловьева, который в своих «Публичных лекциях о Петре Великом» говорил о готовности русского общества к переменам накануне реформ: «Необходимость движения на новый путь была признана... народ поднялся и собрался в дорогу» (Соловьев, 1984, с. 38). Соловьев имел в виду именно внутренние, не выраженные явно, не артикулированные (в конце XVII в. это было в принципе невозможно) тенденции. Но отсюда, на мой взгляд, еще один важный урок: реформатор должен не только осознавать, образно выражаясь, направление ветра истории, но и обладать политической волей. История российских реформ показывает, что отсутствие этих двух качеств у руководителей страны неоднократно имело тяжелейшие, а подчас и трагические последствия. После десятилетий нерешительности, когда реформы откладывались «на потом», возникал кризис, преодоление которого требовало радикального слома старых институтов, наступала «эпоха реформ» и именно в силу этого само слово «реформа» в российском контексте ассоциируется с коренным, радикальным изменением жизненных устоев. Между тем, реформа — это лишь инструмент рутинной, повседневной политики. Если исходить из идеалистического представления, что главная задача власти — забота о людях и улучшении условий их жизни, то достигается это посредством постоянного совершенствования, изменения

этих условий, т.е. посредством реформ, составляющих суть процесса государственного управления.

При этом важно помнить, что никакие реформы не могут быть выгодны всем. Всегда существуют бенефициары существующих условий, заинтересованные в их сохранении. Петр I, как известно, не считался с жертвами реформ и за его преобразования Россия заплатила высокую цену. Он начал их без какого-либо продуманного плана, действуя инстинктивно и ситуативно. И лишь, как считают современные историки, в последнее десятилетие его царствования реформы обрели более системный, отретлексированный характер. В современном мире вряд ли можно предположить, что какой-либо политик возьмется за осуществление серьезной реформы без продуманного плана, который в том числе будет предусматривать и минимизацию жертв. Но и тут надо сделать важную оговорку: исторический опыт показывает, что сколь бы ни был продуман план реформы, предусмотреть все ее косвенные последствия невозможно.

Другой важный урок петровских преобразований, как представляется, связан с изменением статуса России в мире. Уже упоминавшийся А. М. Панченко писал, что благодаря петровским реформам «Россия преодолела культурное одиночество, приобщалась к европейской цивилизации, становилась великой державой» (Панченко, 1984, с. 35). Здесь важно, что обретение статуса великой державы было достигнуто путем интеграции России с окружающим миром — интеграции в систему международных отношений, в международную торговлю, в мировую экономическую систему, в мировую культуру. Именно благодаря этому и только путем интеграции во второй половине XVIII столетия Россия смогла стать одной из пяти великих держав той эпохи (Scott, 2004).

Во времена Петра, да и много позже, величие, авторитет страны ассоциировались прежде всего с военной мощью. Однако уже в это время в расчет начинают также приниматься экономические, демографические и географические показатели. Все большее распространение получает и мысль, что лучше договариваться, чем стрелять, что торговать выгоднее, чем воевать, что военная мощь невозможна без экономической. Именно поэтому Петр не только создает промышленность, призванную обеспечить военную мощь страны, но и прилагает усилия к превращению России в морскую торговую державу; за рубежом впервые появляются постоянные российские дипломатические представительства, а в Петербурге — посольства зарубежных стран. Собственно, и Петербург, это «окно в Европу», замысливался и строился не только как новая столица империи, но и как морской порт, торговый центр страны. Петровские реформы означали выход России из самоизоляции, взаимодействие с окружающим миром, активное участие в том, что сегодня называют глобальной политикой. Соответственно статус великой державы (при всей условности самого этого понятия) сопряжен с сочленством в мировом сообществе;

в условиях изоляции он лишен смысла. В этом, пожалуй, еще один урок петровских преобразований.

Извлечение уроков из опыта прошлого предполагает изучение не только успехов и достижений, но также ошибок и поражений. Петровская «индустриализация» обеспечила временное преодоление технологического отставания России от стран Запада Европы того времени. Однако характер этой «индустриализации», суть которой заключалась в развитии основанной на труде крепостных и жестко контролируемой государством преимущественно тяжелой промышленности при отсутствии юридических гарантий частной собственности, на следующем историческом отрезке неизбежно вел к новому отставанию. Изменение в ходе петровских реформ быта и повседневных практик привело к изменению структуры потребления высших социальных слоев русского общества, но слабо развитая легкая промышленность не могла обеспечить постоянно растущие потребности в мебели, тканях, парфюмерии, посуде, фруктах, сахаре, удовлетворявшиеся преимущественно за счет импорта. Россия же экспортировала железо, пеньку, лен, поташ, лес, кожу, постепенно превращаясь в сырьевую державу. Показательно, что этот урок не был усвоен и, в сущности, по той же схеме, с упором на тяжелую промышленность уже в XX в. была осуществлена «сталинская индустриализация».

Характер петровских реформ в экономике неотделим от его преобразований в социальной сфере, которые, впрочем, не были целенаправленными, но явились в основном побочным результатом реформы налогообложения. Сохранение и упрочение в ходе петровских реформ крепостного права и распространение принципов крепостничества на иные социальные группы тормозило и пресекало возможности формирования рынка свободной рабочей силы, а значит, и капиталистических отношений. Причем на практике, исподволь этот рынок все равно возникал, в частности, за счет принимавшего все большие масштабы отходничества, однако труд крепостных крестьян-отходников, вынужденных отдавать часть заработанного своим помещикам, по определению не мог быть производительным, а, следовательно, экономическая система оставалась архаичной, а темпы экономического развития низкими. Так, к примеру, рост ВВП на душу населения не превышал 0,1% в год и по этому показателю Россия отставала не только от ведущих европейских стран, но и от ряда стран Азии (Карп, Мельянцеv, 2013, с. 9).

Если в целом направленность петровских реформ соответствовала тенденциям развития русского общества, то отдельные, конкретные преобразования им противоречили. Так, исследования последних лет в области социальной истории России XVIII в. наглядно демонстрируют, как созданная Петром в фискальных целях жесткая структура российского общества с четко очерченными границами между социальными группами, которые позднее Екатерина II превратила в полноценные сословия, посто-

янно приходила в противоречие с тенденциями его развития, тормозила их, но при этом не могла вовсе остановить. Появлялись новые социальные группы (в том числе профессионального характера), сословные границы становились все более проницаемыми, а социальная идентичность все более размытой и не соответствующей формальным критериям (Фриз, 2000; Виртшафтер, 2002; Confino, 2008; Ransel, 2010; Kamenskii, 2014; Границы и маркеры..., 2018). Вплоть до Великих реформ Александра II власть вынуждена была реагировать на эти процессы, юридически оформляя новые социальные группы внутри более крупных и, таким образом, откладывая кардинальное решение вопроса на неопределенное время.

Сказанное выше — лишь отдельные, наиболее значимые уроки, которые, на мой взгляд, можно извлечь из опыта петровских преобразований. Затронувшие все стороны жизни русского общества реформы Петра I — это сложное, многогранное и противоречивое явление, в котором заключен богатый как позитивный, так и негативный опыт.

Список литературы

- Анисимов, Е. В. (1994). *Россия без Петра, 1725–1740*. СПб.: Лениздат.
- Виртшафтер, Э. К. (2002). *Социальные структуры: Разночинцы в Российской империи*. М.: Логос.
- Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв. (2018). СПб.: Алетейя.
- Каменский, А. Б. (1999). *От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века*. М.: РГГУ.
- Карп С. Я., & Мельянцева В. А. (2013). Введение: Восток и Запад в XVIII веке. *Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке*. М.: Наука, 5–11.
- Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II. (2018). М.: Памятники исторической мысли.
- Панченко, А. М. (1984). *Русская культура в канун петровских реформ*. Л.: Наука.
- Панченко, А. М. (1991). *Церковная реформа и культура петровской эпохи, XVIII век: Сборник 17*. СПб.: Наука, 3–16.
- Петрухинцев, Н. Н. (2014). *Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740)*. М.: РОССПЭН.
- Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.* В 4 т. Т. 2: XVIII — первая половина XIX в. (2016). Отв. ред. А. Б. Каменский. М.: РОССПЭН.
- Соловьев, С. М. (1984). *Публичные чтения о Петре Великом*. М.: Наука.
- Фриз, Г. (2000). Сословная парадигма и социальная история России / *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Имперский период*. Самара: Самарский гос. ун-т, 121–162.
- Чирскова, И. М. (2022). *Власть и культура в России (1725–1741 гг.): политика законодательной регламентации*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: РГГУ.
- Confino, M. (2008). Soslovie (estate) Paradigm. Reflections on some open questions, *Cahiers du monde Russe*, 49(4), 681–699.
- Kamenskii, A. (2014). Do We Know the Composition of the 18th Century Russian Society. *Cahiers du Monde Russe*, 55(1–2), 135–148.

Peter the Great Changes Russia. (1972). Ed. By M. Raeff. Lexington, Mass. Toronto; London.

Ransel, D. I. (2010). Implicit questions in Michael Comfino's essay. Corporate State and vertical Relationships. *Cahiers du Monde Russe*, 51(2–3), 195–210.

Scott, H. M. (2004). *The Emergence of the Eastern Powers*. New York: Cambridge University Press.

References

Anisimov, E. V. (1994). *Russia without Peter, 1725–1740*. SPb.: Lenizdat.

Catherine's II Nakaz to the Legislative Commission. (2018). M.: Pamyatniki istoricheskoi mysl'i.

Chirskova, I. M. (2022). *The Power and Culture in Russia (1724–1741): the Policies of Legal Regulation*. Abstract of the PhD Dissertation. M.: RGGU.

Freeze, G. (2000). The Soslovie/Estate Paradigm and Social History of Russia, American Russian Studies. *The Milestones of the Latest Historiography. The Imperial Period*. Samara: Samarskiy gos. Universitet, 121–162.

Kamenskii, A. B. (1999). *From Peter I to Paul I: Reforms in the 18th Century Russia*. M.: RGGU.

Karp, S. Ya., & Mel'yantsev, V. A. (2013). Introduction: The East and the West in the 18th Century. *The World History. Vol. 4. The World in the 18th Century*. M.: Nauka, 5–11.

Panchenko, A. M. (1984). *Russian Culture on the Eve of Petrine Reforms*. L.: Nauka.

Panchenko, A. M. (1991). *The Church Reform and the Culture of the Petrine Epoch, XVIII vek. Sb. 17*. SPb.: Nauka, 3–16.

Petruhintsev, N. N. (2014). *The Inner Policies of Anna Ioannovna (1730–1740)*. M.: ROSSPEN.

Reforms in Russia from Early Time until the End of the 20th Century. (2016). 4 vols. Vol. 2: 18 — the first half of the 19th Century. Ed. By A. B. Kamenskii. M.: ROSSPEN.

Soloviev, S. M. (1984). *The Public Lectures on Peter the Great*. M.: Nauka.

The Borders and Markers of Social Stratification in 17–20th Century Russia. (2018). SPb.: Aleteya.

Wirtschafter, E. K. (2002). *Social Structures; People of various ranks in the Russian Empire*. M.: Logos.